

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

ЦАРЬ ГОЛОВЫ

Финалист

литературных

премий:

«Большая книга»,

«Национальный

бестселлер»,

«АБС-премия»

Павел Крусанов
Царь головы (сборник)

«АСТ»

2014

Крусанов П. В.

Царь головы (сборник) / П. В. Крусанов — «АСТ», 2014

Павел Крусанов – известный прозаик с явственным питерским акцентом: член Ленинградского рок-клуба, один из лидеров «петербургских фундаменталистов», культуртрегер, автор эпатажных романов «Укус ангела», «Американская дырка», «Бом-бом», «Мертвый язык». Его упрекали в имперских амбициях и антиамериканизме, нарекали «северным Павичем», романы Крусанова входят в шорт-листы ведущих литературных премий. «Царь головы» – книга удивительных историй, современных городских мифов и сказок сродни Апулеевым метаморфозам или рассказам Пу Сун-лина. В этом мире таможенник может обернуться собакой, а малолетний шкет вынуждает злобного сторожа автостоянки навсегда исчезнуть с лица Земли. Герои хранят свою тайну до последнего, автор предпочитает умолчание красноречию, лишая читателей безмятежности.

© Крусанов П. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Часть первая	5
СОБАКА КУСАЕТ ДОЖДЬ	5
ПО ТЕЛАМ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Васильевич Крусанов

Царь головы

Часть первая О НЕОБЫЧАЙНОМ

СОБАКА КУСАЕТ ДОЖДЬ

*Самурай без меча подобен самураю
с мечом. Только он без меча.*

Японское наблюдение

Палимый солнцем, скромно украшенный бледными августовскими цветами луг незаметно перешёл в кочковатую чавкающую болотину (здесь говорили «болотá»), поросшую дюжей – по грудь, а то и в рост человека – осокой и каким-то мелколистным, пучками торчащим быльём с тонкими сочными стеблями. Над осокой, кое-где уже опушённой первыми перелётными паутинками, изредка поднимались густые шапки лозы. Берег протоки, змеящейся, выделявавшей колена, тут и там тёмной зеленью помечали заросли камыша (здесь говорили «тростá»), подсказывая направление очередного извива. Позади осталась получасовая дорога по одичавшему, уже практически непроезжому просёлку через сырое низинное чернолесье, заброшенную деревню Струга и девственные некошенные луга. Теперь наконец дошли – Селецкая протока была целью, ради которой пустились в путь.

– Пётр Ляксеич, пригнитесь, – тихо сказал Пал Палыч, сам уже пригнувшийся и державший ружьё наизготовку (здесь якали, вместо «что» говорили «кого», подрезали глагольные окончания и чудили с падежными: «по голове дярётся», «кого говоришь?», «Мурка приде и тябе поцарапае», «пошёл к сястры», однако Пал Палыч после армейской службы учился в техникуме на ветеринара, поэтому чистоту местного говора во всей полноте не сберёг).

Пал Палыч вытягивал над осокой шею, осторожно ступая по тугим кочкам и пытаясь разглядеть, нет ли на показавшейся за камышом заводи, отороченной листьями кувшинок, уток. Утки были. Они заметили не успевшего пригнуться Петра Алексеевича и, забив крылами, с криком поднялись в воздух. Сначала две, и тут же из водяной прибрежной гущины – третья. Пал Палыч медлил, давая возможность гостю выстрелить первым, верхняя губа его слегка подрагивала, как у кота, смотрящего через оконное стекло на воробьёв.

От неожиданности Пётр Алексеевич замешкался, не собравшись толком, выстрелил в наброс раз и другой. Мимо. Пал Палыч стрелять не стал – поздно, даже тройкой крякушу было уже не достать.

– Выцеливаете плохо, – определил он причину неудачи. – Вядёте как надо, с упряжением, а перед выстрелом ствол у вас встаёт. А ня надо так. Утка – ня ваш брат, ждать ня будет. Захоти даже, ей под мушку на месте ня растопыриться.

– Знаю, – вздохнул Пётр Алексеевич. – В теории всё знаю. Практики маловато.

– А ня бяда. Я сперва, как ружьё в руки взял, палил, точно дитё, – и в ворону, и в сороку, и в соко́ла. Руку набивал. Тяперь и ня думаю, как целить, глаз сам знает.

Промаху Пётр Алексеевич совсем не огорчился – он ходил на охоту не за добычей, а за впечатлениями. К тому же бить уток с подхода и на взлёте без собаки ему ещё не доводилось. Без собаки – как? Кто из воды подаст, кто отыщет подранка? Одно дело с лодки, тихо подгребая вдоль берега и спугивая уток из травы или с потаённых в камышах загубин. Либо

осенью, когда утки уже собрались в стаи, в зорьку на озере, разбросав по воде чучела (здесь говорили «болваны»), загнав лодку в камыши и там крякая, караулить птицу на пролёте. С лодки и добычу на воде подберёшь, а тут как же?.. Об этом он утром спросил Пал Палыча. «А ничего, – ответил тот. – Жопу замочим, а достанем».

У приметного куста лозы договорились разойтись: Пал Палыч пойдёт вдоль протоки направо, Пётр Алексеевич – налево. Прогуляются каждый в свою сторону на пару километров, потом к этому кусту вернуться. Подтянув закреплённые на пояском ремне лямки болотников, Пётр Алексеевич отправился в отведённые ему угодья. Идти по болоту было трудно – подсекала шаг кустистая осока, приходилось работать всем корпусом и, точно цапля, задирать ноги, стараясь не споткнуться о кочки и вместе с тем не дать сапогу увязнуть в разверзающейся между ними чёрной грязи. Ружьё мешало балансировать руками, ножны «ерша», подвешенные за петлю на ремень, бились о ляжку и норовили залезть в голенище болотного сапога. Впрочем, это было уже не голенище, это было *ляжище*. У самого берега осоку местами сменяла какая-то зелёно-бурая мясистая трава, напоминавшая небольшие пучки агавы, и почва под ногами начинала колебаться – болотная топь обращалась в трясину, готовую в любой момент провалиться под сапогом. Эта ходуном ходящая зыбь либо просто обрывалась в воду, либо переходила в островки торчащего из протоки гладкого камыша.

Будучи не промысловиком, а ловцом впечатлений, выбиравшимся из города на охоту три-четыре раза в году, Пётр Алексеевич заводить собаку не спешил – всё смотрел да примечивался. Пал Палыч же, местный Нимврод, на утку ходил только с гостями (дело знал и шёл за добычей весело, но считал утиную охоту едва ли не баловством, да и жена его, Нина, не любила возиться с неошипанной птицей), а лаек держал для другого дела – на зайца, кабана, косулю, лося. Раньше у него были в заводе и норные собаки, но после того, как две из них погибли, когда он, не расслышав подземный лай, вовремя не успел отрыть их из барсучьего хода, Пал Палыч норную охоту оставил. Полагал – до поры.

Двух лаек (местных мешанцев), кобеля и суку, Пал Палыч взял щенками и натаскивал на зверя сам, третью по кличке Гарун ему привёз из Петербурга знакомый зоологический профессор. Родители Гаруна были медалистами, но попал щенок в случайные руки и до двух лет жил на положении комнатной собачонки в городской квартире у хозяев, не имевших представления об охоте и собачьей выучке. Когда они поняли, что не правы, решили отдать питомца тому, кто сможет составить его охотничье счастье. Да и не городская порода – лайка. Зоологический профессор о том узнал, пса забрал и привёз давно подумывавшему о породистой собаке Пал Палычу – по-приятельски, в дар. И вот уже четыре месяца Пал Палыч пытался поставить Гаруна на охоту – по собственному выражению, «разбудить в нём рóду».

С профессором Пал Палыча познакомил Пётр Алексеевич, приехав как-то с ним и его сеттером в эти места погонять серых куропаток, поэтому теперь он чувствовал себя обязанным о судьбе Гаруна справляться. На селе охотник бестолковую собаку задарма кормить не будет – выведет в лес и шлёпнет, дело обычное. Гаруну, чёрному с белой грудью красавцу, такой судьбы Пётр Алексеевич не желал, хотя суровость местных нравов не судил. А опасаться было чего – до двух лет пёс практически не знал, что такое поле и что такое лес, как ходить по ним с хозяином, как брать след, зачем дано ему верхнее чутьё и что это за дело – гнать и облаивать зверя.

Зато Гарун кусал дождь. Трусаящая с небес морось его не волновала. А вот ливень дразнил не на шутку – он с клацаньем хватал ускользающую добычу, не понимал, как удалось ей увернуться от его зубов, лаил на белые струи и не мог успокоиться.

Срезая по болоту излучины, то отходя, то приближаясь к берегу петляющей протоки, Пётр Алексеевич перебирался от плёса к плёсу и из-за кустов лозы и камыша осторожно высматривал на открытой, почти неподвижной воде уток. В ближайшем рукаве с чистой заводью никого не было. Утирая с лица пот, отправился дальше, но до следующего плёса дойти

не успел, видимо, услышав Петра Алексеевича издали, четыре утки слетели на таком расстоянии, что стрелять было бесполезно. Пётр Алексеевич пригнулся и скрылся в траве, следя за утками – не сядут ли на воду где-нибудь поблизости. Но нет, описав дугу, утки ушли вдаль, на озеро. В той стороне, куда отправился Пал Палыч, ударил дублет. Пётр Алексеевич обернулся и снова присел в густую осоку – поднятые выстрелами на его край летели две утки. Он затаился, припав к ружью, – утки метрах в пятнадцати над землёй, одна впереди, вторая чуть в стороне и сзади, шли прямо на него. Внутри расходящимся жаром вспыхнула кровь – ловчий азарт ударил в сердце.

Пётр Алексеевич один за другим спустил курки, когда цель была едва ли не над головой. Дважды громыхнуло. Тугая волна покатила по лугу к лесу и отразилась от стены деревьев глухим отзвуком. Сбил только одну – первым выстрелом. Вторая, вильнув, ушла. Утка упала практически в руки, шагах в четырёх. Быстро перезарядив ружьё, Пётр Алексеевич подскочил к замеченному месту – знал, если сразу не углядишь, куда ухнула птица, потом можно искать в заросшем кочкарнике до вечера. Добивать не пришлось – дробь попала в шею и голову, о чём свидетельствовал выбитый кровавый глаз и кровь на зубу. Это был крупный упитанный селезень, он ещё не перелинял, зелёное переливчатое перо на шее едва показалось, но уже лоснилось атласным блеском. Добрый селезень, про такого Пал Палыч сказал бы: «Он лятит, а с него жир капает». Хотя обычно так он говорил про северных гусей, на пролёт которых звал гостей в октябре.

Приторочив добычу за шею к патронташу петлёй кожаного шнура, повеселевший Пётр Алексеевич двинулся по болоту дальше. А тут и солнце ушло за облако, перестав наконец безбожно припекать и взблескивать на воде, слепя высматривающий птицу глаз.

Часа через полтора, ругая себя за то, что оставил в машине бутылку с водой, Пётр Алексеевич, дважды уже провалившись одной ногой в чавкающую жижу по бедро, возвращался к кусту лозы, возле которого они с Пал Палычем разошлись в разные стороны. Он устал и уже не следил (не было сил) за тем, чтобы одолевать топь без лишнего шума. На его патронташе по-прежнему висела только одна утка. Трижды ему подворачивался верный случай: два раза он промазал – выбил пару перьев из хвоста и только, – а третий... Третьим был чирок, в которого он, подкравшись за камышами к плёсу, всадил заряд, но подранок ушёл в крепь на другом берегу протоки – без собаки его было никак не взять, даже если решишь *замочить жопу*. Пётр Алексеевич не стал и пробовать.

Солнце, то сияя на небе, то скрываясь за облака, прошло уже изрядный путь и перевалило зенит. Лёгкий ветер, накатывавший тёплыми волнами, колыхал осоку и ветви лозы. Лес за лугом, из которого пришли охотники, подернулся прозрачной сизовой дымкой. Небо выглядело ярче блёклого луга, прибрежная маслянистая зелень и играющие на глади заводи блики тоже выигрывали у него в цвете. Слепней на болоте отчего-то не было; время от времени, когда набегала облачная тень, на разгорячённого Петра Алексеевича налетал комар, но в целом, благодаря ясному дню, кровососы не свирепствовали. Вокруг стояла белёсая полуденная тишина с приглушённым, то спадающим, то нарастающим шорохом ветра в тальнике и паутинным шелестом трав в качестве рабочего фона. Такой эфирный прибор.

Пал Палыча у пограничного куста Пётр Алексеевич не нашёл. Не видно его было и на берегу протоки, насколько охватывал болотину глаз. Наверно, тот вошёл в азарт и забрёл дальше оговоренной пары километров.

Невдалеке над осокой парила кругами какая-то хищная птица – Пётр Алексеевич, вспомнив признание Пал Палыча о том, как тот по молодости, набивая руку, баловался с ружьём, даже прицелился в «соко́ла», раздумывая, какое заложить упреждение, но стрелять не стал. Пусть себе кружит. Чувствуя усталость в теле, он прошёл с прибрежной топи к лугу и на сухом месте сел в траву. А потом и лёг на бок, с наслаждением вытянув ноги. На цветущем дедовнике

хлопотал бойкий полупрозрачный паучок. Рядом на листе тёмной травы, напоминающей мяту, но определённо бывшей не мятой, сидел зелёный шарообразный жучок-листоед. Он металлически поблескивал на солнце, а когда лист покачивался на ветру, зелень его отливала алым.

Услышав издали ритмичный шорох – так коса сечёт траву, – Пётр Алексеевич понял, что Пал Палыч уже неподалёку. Встав на ноги, он посмотрел на уходящий вправо осочник. Пал Палыч, высоко поднимая колени, бороздил болотину – над осокой качались лишь его плечи, голова и крепко зажатое в руках ружьё. Пётр Алексеевич двинулся ему навстречу.

– Двух ня нашёл. В траву ушли, как иголka в стог, – без особой досады сообщил Пал Палыч. На поясе его болтались пять уток – три крякуши и два чирка. – В прошлом году крохалей много было, а нынче нет совсем. В чём дело – ня пойму.

– И у меня два подранка ушли, – скромно приврал Пётр Алексеевич.

Он испытал мимолётное чувство стыда за свою недобычливость, но трофеи Пал Палыча рассматривал без зависти: тот, небось, с ружьём родился, его удача не от случая, а от охотничьей сноровки – мастерству не завидуют, о нём мечтают. Лицо Пал Палыча покраснелось, выбившиеся из-под кепки волосы налипли на потный лоб, но выглядел он бодро и, казалось, ничуть не был утомлён болотным мытарством.

Закинув ружья за спины, пошли обратно – через луг, к лесу. Пётр Алексеевич ступал впереди, всем видом стараясь скрыть усталость, но ноги в болотниках налились тяжестью и предательски цепляли неровности пути.

– Что-то вы, Пётр Ляксеич, заморивши, – сказал сзади Пал Палыч. – А ня спяшите. Идите, будто гуляете.

– Всё в порядке, – заверил Пётр Алексеевич. – С непривычки уходился.

– Большое дело – привычка, – согласился Пал Палыч. – По мне так в ласу день проплутать – ня труд. Я по молодости спортом болел – бегал всё. Со школы ещё. Да и после... За район выступал. Каждый вечер после работы – приду домой, пряреоденусь, шасть на улицу и бягу. Да ня просто, ня пустой, а ещё камней в мяшок наложу – за плечи его и бягу с ним как с горбом. Много годов так. А когда жанился, Нина и говорит: зачем ты такой мне – всё из дома как дурачок бегаешь, кончай блажить уже. Ну, я маленько подумал и прарестал. Мяделей мне за страну ня брать – что, думаю, бегаю впустую, на охоту надо прареходить. Дома-то всё равно ня сидится, приучил организм – в повадку ему вошло. Вот так с ружьём всё и лазаю. И жана ничего: вроде как при деле – промысел, значит.

– Да вы по этой части – первый номер, – искренне польстил Пал Палычу Пётр Алексеевич.

– Ня скажите, Пётр Ляксеич, есть и посноровистей. В прошлом годе вон из Москвы двое приехали – сосед мой их по мочилам водил. Ружья вот так носят – стволы на пляче, и что ня выстрел – то утка. Сосед говорит, ня разу промаху ня дали. За три дня бочку вот такую набили, – Пал Палыч показал руками обхват, а потом и высоту емкости – бочка вышла вместительная, литров на двести, – закоптили и уехали. Мастерá по стендовой стрельбе. Я-то ня так, я сябе положил, чтоб в исходе с трёх патронов – утка. Такой счёт и дяржу пока. Да и ня надо мне бочками-то. У меня корова с тьялёнком, огород, поросята. Мы в природе живём – лишнего у ней ня возьмём, но и на каждого бобра лицензию выправлять – это извините. Я тут сызмальства и уж наверно знаю, что у зямли, у природы то есть, можно взять, а что няльзя.

– Не так просто тут, знаете ли, не в линейку. Вы вот пуповину свою природную не порвали и чувствуете землю как мать. А мало, что ли, у вас по соседству таких, на земле живущих, которые браконьерят как черти? Хоть трава после них не расти? – Усталость как-то понемногу рассосалась, и теперь Пётр Алексеевич с удовлетворением сознавал, что ресурс не вышел, и он, пожалуй, выдержал бы ещё одну болотную пробежку. Вот только разговор шёл не туда, но слово сорвалось и потащило за собой под уклон другие.

– Правда ваша, – вежливо согласился Пал Палыч. – Только в том бяда, что законы пишу ня я, как вы сказали, с пуповиной, а те клящи, для кого зямля давно уже ня мать родна, а корова дойная. Завистливые и жадные. А и у тех разумения нет. Они меня учат, а сами ня знают ни как корову за вымя подержать, ни как ей корма задать.

Пётр Алексеевич поморщился. Ему претила вульгарная политика, в которой соотечественники находили выход своему общественному темпераменту. Все комбинации этой бесконечной русской темы были ему известны и дурной своей неисчерпаемостью давно набили оскомину. Ну никак не мог русский человек смириться с тем, что, как и прочие народы, живёт в аду – у иных он, может, только почище, а у иных и погрязней, – всё печалился о справедливости, искал её, звал, а откликались всякий раз бесы ангельскими голосами и опять заводили в тартарары. Да и речи о справедливости в большинстве случаев так или иначе сводились к деньгам, а это и вовсе уже чепуха – либо деньги, либо небо на земле. Что ни говори, а марксизм – сила.

– И то верно, – Пётр Алексеевич продемонстрировал ответную вежливость. – За это им, клещам, в пекле век сковородку лизать. Ну а Гарун как? Толк из него будет?

– А будет – как ня быть?

Они шли через брошенную деревню, уже задавленную молодым осинником и не знающей удержу крапивой. Крыши домов, однако же, были целы, и в окнах блестели стёкла, так что при нужде какая-нибудь пустующая изба вполне могла сгодиться для ночёвки – Пал Палыч говорил, что иной раз охотники этим пользовались и даже топили печи в холода. У покосившегося крыльца одного из домов, заросшего крапивой в человеческий рост, Пётр Алексеевич на миг задержался, оглядев примеченный ещё по пути на протоку лопух. Один лист у лопуха вывернулся, и на его открытую солнцу белёсую бархатистую изнанку вылезли погреться две маленькие бурые ящерки. Так они и сидели с тех пор, кажется, даже не утрудившись переменить изломанной позы.

– Я его в лес бяру. Иной раз ночью даже. Дурной ещё, конечно. В поле бягёт впереди меня, а в лесу нет – боится. И на кабана ня лаёт – страшно ему. Причует в кустах кабана и встаёт. Молчит и найдёт, сзади жмётся. Или вот в поле с собаками собярусь – мои спокойно бегают, привычно, а этот, Гарун-то, носится, будто с цапи сорвавши. Такая у него городская мода – там на прогулку-то выводят на полчаса, так надо успеть скорей во весь пых убежаться. А мои ня бесятся, им лес да поле ня в диковинку. Пярерос он, конечно, Гарун-то, но нынче у него только первое поле идёт – начало натаски. Это уж по третьему полю вконец видно, на что собака годна, а на что нет.

Пал Палыч слегка придержал Петра Алексеевича за плечо. Неподалёку тут располагался старый заросший пруд, который они уже проверяли утром на пути к протоке. Но пройти мимо и не посмотреть, что творится на пруду сейчас, было бы не в охотничьих правилах. Скинув с плеча ружья и сойдя с едва заметной тропинки в высокую траву, цепляющуюся за одежду сухими семенами, молча забрали влево. Пруд окружали дубы и старые вётлы, посаженные здешними мужиками лет двести назад и пережившие и мужиков, и деревню; сам пруд зарос камышом и кувшинками, но в середине ещё оставалось блюдце чистой воды. Пусто. Пал Палыч крикнул зычно: «Хай!» Из прибрежной травы никто не взлетел. Уток тут не было.

Вернувшись на тропинку, бодро зашагали в сторону сырого леса, и вскоре влажное царство ольхи, осины и берёзы накрыло их комариной тенью.

– А ещё у меня пасека в Зашихино, – сказал Пал Палыч, возвращаясь мыслью к хозяйству. – Опять же, надо за пчалами глядеть. Мать у меня там, в Зашихино, но она старенькая уже да и с пчалами ня дружит. Ничего, мы в природе живём, бярём у неё в меру, что нужно, а она в свой чарёд за нами доглядывает. Без нашего спроса, по старому уговору вроде. Я матери говорю: ты с пчалами ня возись и рои ня лови, а чуть что – мне звони, я мигом примчусь. А тут в мае приезжаю раз, а она на меня дуется и разговаривать ня хочет. Рой с яблони, оказывается,

хотела в лукно стряхнуть, а он на неё и упаде – всю покусали. А через три дня опять приезжаю – она меня встрячает и смотрит так озорно, как молодая. Думаю, пенсию, что ли, получила? А она руки вверх тянет. «Во, – говорит, – выдал!» Я и ня понял сперва, а она два года руку правую вот так, – Пал Палыч показал как, – выше груди поднять ня могла – ревматизм. А пчёлы-то весь ревматизм этот из неё, значит, и вытянули.

Дорога из чернолесья выскользнула в поле, на суходол, и вскоре за непроезжей лужей показалась оставленная охотниками на склоне холма машина. Подошли. Пётр Алексеевич нажал кнопку на пульте, и машина, узнав хозяина, радостно взвизгнула. Первым делом он достал из подставки между передними сиденьями бутылку воды, открыл и протянул Пал Палычу. Тот осторожно, стараясь не касаться горлышка губами, отпил. Пётр Алексеевич принял бутылку назад и, не почувствовав вкуса первого глотка, блаженно приник к ней горячим иссушённым ртом. Побросали уток в застеленный полиэтиленом багажник; Пётр Алексеевич переобулся и сел за руль.

– Заедем-ка в Кузино на речку – тут ня далеко, – сказал Пал Палыч, спустив до колен болотники и устроившись спереди на пассажирском сиденье. Он сбросил куртку, взялся руками за пластиковую скобу, предусмотренную над бардачком на случай тряски, и чуть подался вперёд, стараясь не касаться сырой пропотевшей рубашкой тканевой обивки спинки. – Езжайте, я покажу.

Прежде чем добрались до дома Пал Палыча, у которого гостил приехавший на три дня провести местных уток Пётр Алексеевич, по желанию хозяина завернули в Кузино. В километре за деревней поставили машину в тень раскидистой ветлы. Пал Палыч принялся лазить по кустам вдоль заросшей по берегу густым лозняком речушки, а Пётр Алексеевич, примостившись на бетонном парапете, воздвигнутом на обочине в том месте, где под дорогой пролежала труба, дававшая подземный проход речке, взялся ощипывать и потрошить совместную добычу. Благо, было где вымыть руки.

Через полчаса Пал Палыч принёс ещё двух кряковых селезней.

Потом отправились в Сошково. Деревня стояла на слоистом известняке, лет сто назад здесь добывали строительный камень, о чём свидетельствовали сложенные из желтовато-сизого плитняка старые сараи. Долгие годы ходила деревня за водой на ручей, пути – полверсты; пробить колодец сквозь известняки мужикам было не по силам. Тридцать лет назад, на излёте колхозной жизни, пробурили в Сошково скважину, попали в мощную жилу, так что фонтан ударил метров на десять. Но вода оказалась минерализованной и чувствительно отдавала чем-то вонючим, возможно серой. Везили здешнюю воду на анализ: по составу – чистый нарзан. Или боржом – Пал Палыч точно не знал, что есть что. Или того лучше – баденские воды, эти точно серные. Полезно, конечно, при разных расстройствах, но на боржоме щи не варят. Однако в Сошково понемногу привыкли, ничего – можно. А одна слепая старушка, регулярно умывавшаяся под здешней струёй, по свидетельству местного предания даже прозрела. Пал Палыч рассказывал, что в перестройку кто-то предприимчивый из пришлых хотел наладить здесь газирование и розлив воды в бутылки, но умирающий колхоз добро не дал.

Через несколько лет фонтан заделали в трубу с коленом, и вода стала хлестать не вверх, а горизонтально. За прошедшие годы жила ничуть не оскудела – баденские воды затопил луг, превратив его в пахнущее гнилым луком болото, и там, на мочилах, бывало, паслись утки.

Метрах в ста от минеральной скважины Пал Палыч подстрелил на взлёте крякушу и, оставив её на попечение Петра Алексеевича, хлюпая сапогами, скрылся в камышах. Недоступная тушка покачивалась на глади заводи. Взяв из машины топор, Пётр Алексеевич вновь натянул болотники, срубил неподалёку берёзку, очистил от ветвей и, подойдя к самому краю вязкого гнилого берега, хлыстом подтянул к себе утку. Здесь, в мочилах, вода отстаивалась, растворённые в ней соли-щёлочи уходили в почву, и чёрная, вымешанная сапогами грязь

воняла необычайно. Счёт был разгромный – 8:1. Впрочем, тут Пётр Алексеевич даже не доставал из багажника ружьё – впечатлений на сегодня было уже достаточно.

Вечером, сидя за столом в доме Пал Палыча, щедро потчваемый дарами его хозяйства, Пётр Алексеевич прислушивался к себе и ощущал, как ободрились за день его чувства. Ничего особенного вроде бы не произошло, сегодняшняя охота не стала для него добычливой, однако шевеление трав, блеск воды, взлетающая птица, сияние неба, зелёный жук, бьющаяся изнутри брошенного дома в окно пухлая бабочка, ящерики, вековой плитняк сараев, вкус холодной минеральной струи – всё увиденное, услышанное, попробованное за сегодня вспыхивало в его сознании, шевелилось, высвечивалось одно за другим, желая запомниться, не ухнуть безвозвратно в забвение, найти в памяти свой уголок.

На столе были свежие овощи, зелёный лук, домашнее сало, колбаса, солёные огурцы, тушёная телятина с печёными кабачками, душистый хлеб из местной пекарни, густая домашняя сметана, жареные голавли и мёд двух качек – июльской и августовской. Ну и, конечно, водка – о ней уже позаботился Пётр Алексеевич, знавший хлебосольство Пал Палыча и не желавший чувствовать себя полным прихлебателем. Нина хлопотала по хозяйству, между делом приглядывая за полуторагодовалым внуком, и за стол с мужчинами не садилась. Дом у Пал Палыча был великий, в два этажа. Первый – кирпичный, второй – из толстого тёсаного бревна. Строился он на большую семью, но выросшие дети уехали от земляной жизни в Петербург и теперь лишь ненадолго приезжали к родителям в уездный городок, основанный Екатериной, почти до основания разрушенный в последнюю германскую войну и неинтересно, без любви восстановленный заново в послевоенные годы, – догуливать отпуск, проведённый, как и положено, в Хургаде или Анталии. Ну и, само собой, время от времени подбрасывали на забаву внуков.

Первую рюмку выпили за охотничье счастье – у Пал Палыча с этим делом всё было в порядке, а вот Петру Алексеевичу удачу определённо не мешало приманить.

– В Какошине у меня кабаны прикормлены, – макая в сметану зелёную стрелку лука, признался Пал Палыч. – Там старый сад колхозный, брошенный – я следы увидел и кукурузы насыпал полтора ковшика. В том году ещё за хорошую цену два мяшка кукурузы купил. Дед какошинский, приятель мой, ходил смотреть – вся прикормка подъедена. Звонил утром. Я поехал, ещё насыпал. Если опять съядят, хоть иди туда на ночь. Наверняка, конечно, ня скажешь: придут – ня придут... Там на сосне у меня пярекладины набиты – ничего, сидеть можно. Пётр Ляксеич, а хотите на кабана? Я фонарь подствольный дам. Только матку ня бить – подсвинка выматривайте.

Пётр Алексеевич решительно отказался.

– Мне барская охота по душе, – сказал он, хрустя огурцом. – Та, что по перу – утиная да по красной дичи, когда больше ходишь, чем стреляешь. Легавую думаю завести.

Выпили ещё по одной – за целкость ружей. Пётр Алексеевич нахваливал закуски – сметана, сало, телятина, голавли и впрямь были хороши, – снова наливал водку, Пал Палыч оставлял горлышко пальцем над вполонину наполненной рюмкой: «Хватит, хватит...»

– А что, скажите мне, такое значит – жить в природе? – задал Пётр Алексеевич давно щекотавший язык вопрос. – По-вашему, ведь это, верно, целая стратегия, особый жизненный уклад?

– Скажете тоже – стратегия, – водружая на хлеб ломоть сала, улыбнулся Пал Палыч. – Ничего мудрёного. Живи и тем, что тябе природа даёт, пользуйся, но только так, чтоб она ня обяднела, чтоб сохранилась, а то и умножилась. Нужна тябе лесина – бяри, но десять взамен взятой посадки. Это же ня сложно. Или с пчалáми тоже – я за ними сляжу, чтоб ни моли, ни варатоза, подкормлю, когда надо, рои словлю, маточники вырежу... А они мне за то мёду, так что – и мне, и всей родне, и на продажу. Или вот охота... Корми зверя, чтоб плодился, матку

ня трожь, лишнего ня добывай, а иной год и ня стреляй вовсе, если зверь на убьль пошёл. А то у нас-то как? Сойдутся охотники в бригаду и бьют зверя подчистую – кабана, козу, лося... С одной лицензией весь сязон. Всё зверьё подчистую извядут. А вы, Пётр Ляксеич, говорите: стратегия... Хорошо, Бялоруссия и Прибалтика рядом – оттуда зверь к нам снова заходит. Так его опять в будущий год извядут. Бывало на озере, на Алё, с острова на остров лось или коза плывут, так их с лодки ножами режут. Выстрел-то по воде далеко слышать, вот они и ножами... Там зямля откуплена – охотхозяйство частное, егеря строгие. Если светло и тушу тишком ня вывезти, так брюхо лосю вспорют, чтоб ня всплыл, место пометят и ночью забярут. Так вот.

Выпили под эти слова горькую рюмку.

– А что охотовед? – Пётр Алексеевич разбирал на тарелке голавля. – Куда смотрит?

Пал Палыч махнул рукой.

– Охотоведа область ставит. Замгубернатора вопрос решает. Он, охотовед-то, туда, – Пал Палыч оттопырил на крепком кулаке большой палец и указал им в потолок, – мясо возит. Те же бригады ему долю дают... Пока у губернаторских дичина на столе, так значит – охотовед справный, посажен правильно, на своё место. А что зверя при таком хозяйстве ня станет – кому это интарсно?

Тут уж было никуда не деться и по освящённой веками традиции некоторое время говорили о неустроенности русской жизни. Пал Палыч даже хватил шире, укрупнил масштаб, замахнулся на мироздание, неожиданно представ перед приятно удивлённым Петром Алексеевичем в образе законченного стихийного гностика.

Хмель брал своё – голоса собеседников стали громче, глаза заблестели. Пару раз в кухню заглядывала Нина и с любовью бранила мужа за какую-то чепуху, стараясь не столько для себя, сколько для Петра Алексеевича – ничего не попишешь, тоже традиция. Пётр Алексеевич это понимал и с улыбкой любовался ритуалом.

– Смотрю я на вас, Пал Палыч, и в толк не возьму, – после очередного тоста, поднятого за улизнувшую из кухни хозяйку, сказал Пётр Алексеевич, – откуда в вас эта незамутнённость сознания? Понимание земного порядка? Откуда эта ясность бытия?

– О чём вы, Пётр Ляксеич?

– Так скажу. Со всяким бывает – иной раз тоска возьмёт за горло, да так крепко, что озарение пронзит, и понимает человек, что в жизни его всё не так, всё ложь, все устремления его, желания, порывы – всё негоже и порочно. Что чёрен он от грязи мыслей и страстей, что нет в нём светлого места. А надо жить не так. Надо крестом перечеркнуть все скверно прожитые годы и строить заново жизнь на руинах тёмных страстей и поганных привычек. Тяжко это, но оставаться тем же – тяжелее... И рвётся от стыда и гнева на черноту свою сердце. Но вот проходит миг, мутнеет внутренний взор, и зарывается человек снова в свою навозную кучу, в тёплую грязь будней. И ни следа от проблеска не осталось, как его и не было. А вот у вас не так. Вы среди прочих – ворона белая. Я вижу, как вокруг живут – лица угрюмые, пьют, матерят друг друга, злобствуют, дерутся, завистничают, крадут – родня у родни ворует. Земля давно запущена, никакое дело в руках у людей не держится. На земле жить – тяжкий труд, я это понимаю. Но ведь и радость в нём, в труде этом, если наладить его по уму и делать с хотением. У вас ведь, Пал Палыч, наладить получилось. Вы слова бранного попусту не скажете, делу и рюмке время знаете, дом у вас вон какой, и в доме вашем мир, хозяйство с толком ведёте, опять же ясное понятие о жизни в природе имеете... Вы, так сказать, человек-соль. С вами мир становится вкусным. Откуда это в вас, скажите? Почему другие не переймут?

– Сказать, что ли? – лукаво улыбнулся Пал Палыч. – А ня скажу. Покажу лучше.

Пал Палыч поманил Петра Алексеевича из-за стола и повёл сначала в прихожую, а оттуда в небольшие сенцы, где был устроен спуск в подпол и котельную. На лестнице, ведущей вниз, стояли вдоль стены два фанерных листа, на которых были растянuty выскобленные бобровые шкуры. В низком подполе пришлось пригнуться. Лампочка тут отчего-то не горела, и Пал

Палыч, чтобы не поломать ноги, оставил дверь на лестницу открытой. Здесь, на стеллажах из струганой доски и на цементном полу, стояли банки домашних солений и варений, большие алюминиевые бидоны с мёдом, мешки с картошкой, корзины с луком и чесноком, ящики со свёклой, пересыпанной сухим песком морковью и какими-то другими не-опознаваемыми в сумраке корнеплодами.

Встав на четвереньки и покопавшись на нижней полке стеллажа, откуда-то из заднего ряда тускло играющей бликами стеклянной тары Пал Палыч извлёк запылённую, запечатанную жестяной крышкой трёхлитровую банку, ничем особым на вид не выдающуюся. В таких хозяйки закатывают огурцы и смородиновое варенье. С банкой в руках он поднялся на ноги и, склонив голову, двинулся к лестнице. По пути взял с полки пустой мешок, обтёр стекло, бросил мешок обратно.

– Сейчас под лампой осерчают, разрезвятся, – предупредил Пал Палыч.

На выходе он закрыл спиной идущий из дверного проёма свет, так что Пётр Алексеевич очутился на миг в темноте и тут же ушиб колено, налетев на бидон с мёдом.

Наконец выбрались из подпола на лестницу. Здесь под лампочкой Пал Палыч повернулся к Петру Алексеевичу и показал матовую от давних наслоений подвальной паутины, исполосованную пыльными дорожками банку, из которой на свету раздался глухой мерзкий писк. Пётр Алексеевич смотрел секунду, не понимая, потом взгляделся и обомлел. Два отвратительных существа в бурой свалявшейся шерсти, с бешеными круглыми глазами и с лоснящимися чёрными мордами корчились, плевались и верещали от бессильной ярости, остервенело строя людям злобные рожи. Пётр Алексеевич не испытывал отвращения ни перед крысой, ни перед змеей, ни перед нетопырем, мог спокойно взять в руки паука и поиграть с пиявкой, но при виде паскудных тварей испытал такую гадливость, что невольно, как от хлынувших из прорванной фанины нечистот, отпрянул от банки к стене, уронив фанерный лист с распятой бобровой шкурой.

– А ня бойтесь – им отсюда ня сбежать. – Пал Палыч так и сяк повертел в руках банку, показывая скребущихся изнутри в стекло гадин со всех сторон. – Это наши с Ниной. Даром, что ли, я охотник? Вот – словил.

– Боже, что это? – Пётр Алексеевич уже понял, кто сидит в банке, но разум требовал вербализации догадки.

– Ня знаете? А кто нам в левое ухо глупости шепчет? Они и есть.

Какое-то время Пал Палыч и Пётр Алексеевич молча рассматривали пленённых гадёнышей. Потом Пал Палыч крепко встряхнул банку, отчего твари, сплетаясь в клубок, возбуждись и забесновались так, что Петру Алексеевичу показалось даже, будто пасти их с мелкими лиловыми языками попыхируют чадным пламенем, а гипертрофированный, несоразмерный остальному телу, влажно набухший срам вот-вот пойдёт в дело... Уже пошёл. От картины этой ему сделалось не по себе.

– Экое няпотребство... Тьфу! – Пал Палыч смутился от эффекта, какой произвела на Петра Алексеевича его кунсткамера. – Ладно, будет. Убюру лучше.

Уже не приглашая за собой Петра Алексеевича, он скрылся в подполе, а вновь появившись на свету, признался:

– Ня знаю, что и делать с ними. Заспиртовать пробовал, так они и в спирту друг дружку яти... Может, профессору отдать? Пускай в музей какой опряделит. Как думаете?

Пётр Алексеевич думал о другом.

– Что, и у меня такой же? – предчувствуя ответ, всё-таки спросил он.

– И у вас, Пётр Ляксеич. А как же? Они ко всем приставлены. Только юркие больно, трудно глазом углядеть. Я после того, как наших-то с жаной зацапал, хотел и тех, что у дятей, словить – так ня выходит. Они тяперь городские, а у городских подлюги-то эти шибко шустры.

Пал Палыч и Пётр Алексеевич вернулись в кухню, за стол. Пётр Алексеевич, пребывая под впечатлением ужасной банки, тут же полез в сумку и достал вторую бутылку водки, которую предполагал оставить до завтрашнего ужина.

– Вот ведь... – Видение не отпускало – то и дело оживая в памяти, мерзкая картина сотрясала Петра Алексеевича брезгливой дрожью, как бывает, когда вспоминаешь вдруг какой-нибудь стыдный поступок. – Что же теперь? Как жить с этим?

– А ня как. Как жили, так и будете. Уж проверено.

– Нет, – мрачно наполнил рюмки Пётр Алексеевич, – как прежде не получится.

– А получится, – весело махнул рукой Пал Палыч. – Очень даже получится – ня сомневайтесь. Он, ваш-то, вокруг пальца так вас обвертит – даже ня заметите.

– Ну уж нет. Теперь замечу. – И Пётр Алексеевич вновь налил водки в свою опустевшую рюмку.

Утром в окно вразнобой барабанили капли дождя. Пётр Алексеевич потянулся в чистой, накануне застеленной Ниной постели и почувствовал в голове шум. Вторую бутылку вчера можно было и не допивать. Тем более что Пал Палыч деликатно рюмку поднимал, но отхлёбывал малость, так что, считай, Пётр Алексеевич убрал водку в одно жало. С чего бы это? Внезапно мурашки пробежали у него по голове, прокладывая тропы меж корней волос. И тут Пётр Алексеевич всё вспомнил. Вспомнил, и жизнь внутри него оцепенела.

Что это было? Разве такое возможно? Он схватил предусмотрительно поставленную возле постели бутылку с водой и влил в пересохшее горло добрую половину. Откинувшись на подушку, Пётр Алексеевич лежал, примеряясь к грузу нового знания, опустившегося гнётом на всё его тело, и моргал, пока левое ухо его не наполнилось гулким звоном. Звон погулял внутри головы, заглушая все прочие звуки, разгоняя имеющие форму сомнений мысли, и схлынул. Ну конечно – внушение, суггестия, магнетизм... Именно невесть откуда взявшаяся в сознании Петра Алексеевича «суггестия» – похожее на быструю сороконожку слово – и решила дело. Ай, Пал Палыч! Ай, шельма! Он, небось, и на зверя морок наводит, так что дичь сама под выстрел идёт. Вот бестия! Видит – гость во хмелю, так решил натянуть ему нос! И ведь одурачил! Ловко! Спросить бы надо, что там было, в банке? Что за хомячки? Или... Нет, не стоит. Пусть думает, что фокус удался.

Пётр Алексеевич улыбнулся, довольный тем, что не повёлся простодушно на обман.

Впереди его ждал долгий и приятный день, полный новых впечатлений. Утихнет дождь, и они с Пал Палычем, как договаривались, поедут на Гришатинское озеро. Там Пал Палыч возьмёт у знакомого старовера лодку, и они, меняясь на вёслах, будут бить днюющую утку на подъёме...

За окном послышались возня и радостное собачье повизгивание. Пётр Алексеевич встал с дивана в гостиной, где хозяйева устроили ему постель, надел штаны-распятьёнку, накинул рубашку и выглянул в окно. С тяжёлого низкого неба хлестала тугая вода. Ничего – сильный дождь не бывает долгим. Во дворе завернутый в плащ Пал Палыч кормил собак. Две серовато-жёлтые лайки склонились под навесом над мисками. Чёрный с белой грудью Гарун, щёлкая пастью, будто ловил муху, кусал дождь. Дождь ускользал. Гарун огорчился и лаял.

ПО ТЕЛАМ

*Внимай, читатель, будешь доволен.
Апулей. Золотой осёл*

Молва – вот нерв существования, соль будней, вещь, которая придаёт жизни вкус и делает её невыносимой. Особенно для людей чувствительных – тех, для кого известие о происшествии важнее, чем происшествие как таковое. К молве стремятся и от неё бегут. Она – и ветер в парус, и клеймо до гроба.

Слухи о «всаднике», этой невероятной, хотя, как всякий раз оказывалось, никем из рассказчиков не испробованной забаве, ходили в среде охотников до острых ощущений уже не первый месяц. Одни считали – враки, вдохновенный вздор. Другие верили, пытались отыскать концы, желая выйти на достоверных свидетелей и получить связь с организаторами дьявольской затеи. Иван Полуживец, несмотря на обрётённый в жизненных невзгодах скепсис, был из последних, пусть вере его и не сопутствовал сыскной инстинкт – к предмету интереса он устремлялся мыслью. А что до скепсиса – куда же без него, унаследовав такую несказанную фамилию? Ни Бякиным, ни Пышкунцовым, ни даже Семисуевым – были среди его приятелей по детским играм и такие – не довелось изведать столько острот и злых розыгрышей в гимназические, а потом студенческие годы, сколько выпало на голову Полуживца. Неудивительно. Чтоб не плутать, чтоб в двух словах, на пальцах... Взять, например, *жилыца* и присмотреться – что такое? И тут хоть прямо езжай, хоть боком катись, понятно сразу – что-то временное, неукоренённое, точно клубок перекаати-поле, на птичьих правах занявшее чужое, по существу, под солнцем место – дунул ветер, и нет *жилыца*, унесло к чертям собачьим. Перед нами *не хозяин*. А теперь – *живец*. Какое точное и сильное слово. Ещё живой, но обречённый, его уже приговорили, и жизнь его – не более чем форма казни. На лбу его печать – права самому выбирать свою смерть живец лишён определённо. А Полуживец? Что это такое? Тьфу – и растереть. Носить такую фамилию, всё равно что родиться рыжим. Впрочем, именно доставшиеся на долю Ивана детские разочарования в итоге сослужили службу по выделке его упорного, упругого, холодно-подозрительного характера, уже не позволявшего хозяину легко даваться в обман. Молве про «всадника», однако же, Полуживец по большей части доверял.

Существо дела (источник – пересуды) заключалось в следующем. Сотрудники некоей секретной лаборатории, ещё со времён Красной империи занимавшиеся вопросами не то физиологии, не то психосоматики, не то геронтологии и отмены физического увядания, нащупали и извлекли из мрака мироздания открытие, благодаря которому была освоена практика отделения человеческого сознания со всем его содержимым – воспоминаниями, опытом, обидами, мечтами, страхами, идейными заблуждениями и эстетическими миражами (по существу, самого заряда личности) – от присущего ему, этому сознанию, тела. Более того, возможным оказалось внедрять выделенное сознание в другое тело-носитель – так вывинченную из пыльного торшера лампочку вкручивают в люстру. Вторая часть задачи, которую решала эта (или уже другая) секретная лаборатория, состояла в том, чтобы научиться сначала штучным, а затем фабричным способом выращивать мясные люстры, дабы одряхлевший приют сознания заменять на новый, с иголочки. Эта часть пока хромала – производство юных тел для размещения в них зрелого заряда личности никак не ладилось. И вот недавно – то ли произошла утечка технологии, то ли сами секретные учёные ударились в предпринимательство – стало известно про небывалую услугу: *кто-то кому-то* предлагал и тот попробовал на время прописать свой рассудок в чужое тело, из которого законное сознание на то же время изымалось. Ничего удивительного: порох, в Европе ставший инструментом принуждения к цивилизации, на своей отчине в Китае служил не более чем огненной забавой, рассыпавшей в небе цветные звёзды.

Так и тут – детская песочница, потеха: по большей части мужчины на пару дней перебирались в обличье женщин, женщины – мужчин. Людям с причудами предлагалось попробовать примерить тело кошки, пуделя или сыча. Говорили, будто можно влезть и в стрекозу, и в игуану, и в осетра, но тут воображение Полуживца смущалось и доверие к рассказчикам обретало свой предел.

Разумеется, дело велось без лицензии. Разумеется, организаторы переселения рассудка шифровались, как подпольщики. Разумеется, услуга стоила немалых денег... Иван не читал Кьеркегора, но подспудно с детства знал: чего мы боимся, того и желаем. Запретное любопытство и холодный страх неведомого давили его грудь и пускали мурашек по ложбинке позвоночника, когда он думал о самой возможности такого приключения. Как это ни странно, его неудержимо привлекала мысль испытать преобразование, какое до сих пор смогли вкусить лишь воспетый Апулеем Луций, царевна-лягушка, испивший воды из копытца Иванушка, обьятый колдовскими чарами Гвидон, коммивояжёр Грегор Замза да кое-кто ещё, кого сочтёшь по пальцам. Воистину наука вытворяет чудеса.

Полуживец и прежде был склонен к рискованным поступкам: прыгал на эластичной верёвке с моста, брал в конной школе уроки верховой езды и время от времени обедал в японском ресторане. Случилось даже такое: однажды он отважно предложил на сетевом форуме законодательно позволить однополым парам усыновлять тамагочи, а продукцию, содержащую пропаганду содомии, таврить клеймом «69+». За что тут же получил от писклявого ЛГБТ-сообщества прозвище Противный Фашик. А тут на тебе – «всадник». Отвернуться, не заметить? Как бы не так.

Почему – «всадник», а не «сансара», которая на ум приходит прежде прочего, Иван догадался сразу. Ведь перво-наперво при этом испытании необходимо было показать новой лошади, кто теперь её хозяин. Безукоризненность догадки, наводившая его на мысль о своей духовной сродности с авторами проекта, лишь усиливала веру Полуживца в его, этого проекта, реальность.

Была и ещё одна, главнейшая причина, влекущая Ивана к этой авантюре, – он очень, чрезвычайно, до волнующего нетерпения, хотел знать, *что и как чувствует другое существо*, и в самом ли деле следует считать кармической карой то обстоятельство, что ты явился на свет не человеком, а дельфином. Порой мысли об этом лишали его сна, как будто разрешение свербящего в мозгу вопроса могло определить суровость или милосердие грядущего наутро приговора. Правда ли, что червь, как писали в попавшейся ему однажды на глаза статье норвежские естествоиспытатели, не чувствует боли, когда рыбак сажает его на крючок, и все конвульсии червя – лишь рефлекторное стремление зарыться в землю? А рак в кипятке? Верно ли, что он, как утверждали те же доки, варясь заживо с укропом и лаврушкой, не испытывает неудобства? В обыденной жизни Полуживец служил инспектором отдела таможенного оформления и контроля в Морском порту на Турухтанских островах, так что навязчивое это любопытство определённо никак не вязалось с родом его повседневной деятельности, но таковы люди, что и без крыл мечтают о полёте, а в должности вахтёра непременно озабочены политикой, спортом и ценами на недвижимость.

Впрочем, нет, неправда – что такое личность в чужом теле, как не отъявленная контрабанда? Таможне уловки эти надо знать.

На человека, имевшего достоверный опыт временного переселения сознания, Ивана вывел случай или сама судьба – это бывает, когда нам не даёт покоя нечто столь неразрешимое, что одолеть загвоздку возможно лишь доверяясь Божьему персту. Однажды на службе, когда Полуживец оформлял таможенные документы для партии новеньких, словно игрушечных “Wrangler”-ов, прибывших в дилерский центр “Foris”, к нему подошёл коллега – приятель по унылым будням – и поведал следующее. Одна его знакомая, с которой он не первый год вёл

дела по растаможке купленных на американских аукционах б/у автомобилей, явилась к нему сегодня за документами на два доставленные паромом “FJ Cruiser” и ввергла его в сомнения.

– Всё вроде бы на месте, – морщил лоб белобрысый приятель, – бампер четвёртого размера, булками вертит, глаза как у недоенной коровы – она. А вроде и не она. Лёшей меня вместо Саши назвала, процент считает в голове, хотя раньше без калькулятора ноль на ноль помножить не могла, и говорит так, будто через неё дух Евпатия Коловрата вещает.

Полуживец насторожился. Коллега был парнем пустым, но в целом не вредным: любил шикануть (завёл пса – родезийский риджбек, с такими белые господа охотились на львов в саванне), постоянно и дурно шутил («в ногах правды нет – она где-то между») и жену свою родом из Витебска ласково называл «жидовская мордочка». Полуживца, правда, чтит и доверял его советам. Обрести в этом бонвиване вестника фортуны Иван не ожидал.

– То есть голос её, а речь чужая, – пояснил приятель. – Порядок слов не тот. Да и слова... Знаешь, как с музыкальным инструментом? С баяном, скажем. Это ведь музыкальный инструмент, да? Голос у него один, а сыграют на нём – этот так, а другой этак. – Он свёл и развёл руки вширь, сдувая и раздувая воображаемые мехи. – Понимаешь, о чём я?

Подозрительная особа всё ещё находилась в кабинете коллеги – Иван согласился взглянуть и сделать свои заключения.

Особа была вполне обыкновенной дамой лет тридцати, соответствовала внешнему описанию и сомнений в отношении себя не вызывала – хваткая стерва, – благо Полуживец не знал её прежде, чтобы иметь повод в чём-то сейчас усомниться. Сидя в скромном кабинете мелкого таможенного чиновника, вид дама имела такой, будто вкусила всей земной славы и теперь была уверена, что мир живёт исключительно новостями о ней. Улыбнувшись в ответ на её щедрое сияние, Иван взял со стеллажа якобы необходимую ему папку, вывел приятеля в коридор и сказал, что на его взгляд всё в порядке, и даже пахнет объект как положено – чистым ядом «Пуазон».

– Барашек в бумажке будет? – спросил Полуживец. – Подставить могут?

– Сегодня – нет. Неделю тому занесли, – признался коллега. – Пустяк, всё законно – только оформить без проволочек...

– Ну и что за беда, если порядок слов сменился? Может, книжку Вербицкой прочитала и теперь учится говорить по-русски. – Иван отмахнулся от невидимой мухи. – Плюнь. Да, гляди, клин к ней не подбивай – проглотит, как хохол галушку.

Сам Полуживец, однако, плевать на особу не собирался. Отойдя по коридору за угол, он принялся ждать. Каким-то первобытным нюхом Иван почуял и поверил: оно! вот ниточка, и упустить её нельзя!

Вскоре дама вышла из кабинета и направилась к лестнице, Полуживец же, внезапно вывернув навстречу ей из-за угла, организовал нечаянное столкновение. Мимолётное событие – падение папки, охи-ахи, сбор разлетевшихся бумаг, – чуть неловкое и немного забавное, позволило завязаться разговору, из которого выяснилось, что зовут особу Катя Барбухатти (она так и представилась, с фамилией, как на деловой встрече, – Полуживец с пониманием послал ей мысленно: «сочувствую»), что хлопоты она свои закончила и не прочь выпить с Иваном предложенную им чашку кофе, благо Иван сегодня, пользуясь отсутствием начальства, имел возможность улизнуть от дел. Словом, она сама на удивление крепко ухватила за новое знакомство, как абрек за кинжал, будто возможное приключение обещало ей открытие, неизвестный опыт, а не рутинный спектакль с разученными до механичности ролями, – опыт, который непременно надо успеть осуществить, чтобы впоследствии не сожалеть о несбывшемся.

Потом были кафе, поездка в Екатеринингофский парк, прогулка (стоял пылкий август), ужин на террасе ресторана, после которого Катя, видя рябь смятённости на лице Полуживца, спросила: «А дальше? Если ты столько времени чесал мне пятки, значит, что-то тебе нужно?» Тут уже не пригласить её к себе Ивану было невозможно.

В постели его сперва потряхивала волнующая дрожь, а потом долго мешала полностью отдаться телесным хитросплетениям мысли, что в этом, пожалуй, есть своё перечное зёрнышко и изощрённейший изыск – любить мужчину в теле женщины. Такой чертовский, сочащийся запретным соком плод... Если, конечно, точно знать, что он, мужчина, – там. Полуживец не знал. А в остальном... Трудно вообразить, что творится внутри спящей с тобой женщины; уму непостижимо, что творится с мужчиной, засевшим внутри женщины, которая с тобой, уверенная, что ты не знаешь о её начинке, спит.

Хотя Иван и пребывал в сомнении, но тем не менее, откинувшись на спину после жаркого штурма и утирая пот со лба, сказал:

– Ну, здравствуй, всадник.

В ответ на свою обезоруживающую прямоту Полуживец надеялся получить отклик, который выдал бы с печёнкой истинное положение вещей, в противном случае он просто бы не знал, как ему быть. А если всё здесь морок, самообман, насмешка разума, сыгравшего с ним злую шутку? И тут Ивану повезло вторично. Хотя, конечно, получить от Кати удар в зубы он не ожидал. От второго удара Полуживец увернулся, после чего скрутил извивающейся драчуны руки за голой спиной, вдавив её лицом в подушку.

– Ты что же, гад, следить приставлен?! – шипела, кусая от боли губу, ещё минуту назад исходившая истомой Катя.

Окажись пересажённая в это аппетитное тело личность немного сдержаннее, дело кончилось бы пшиком – недоумением, шуткой, хохотком. И всё, и жизнь Полуживца была бы иной. А тут – нервный самодовольный тип, жуликоватый истерик, уверенный, что ухватил за бороду судьбу. Удача так удача. Иван был настойчив и груб – устроившегося в Кате Барбухатти фрукта он расколол, благо боль обрётённой оболочки тот чувствовал как свою.

История такая. Хозяин автосалона на Энергетиков, торгующий поддержанными машинами, и Катя, ведущая его дела с таможней и по совместительству – любовница, решили поиграть в игрушки и поменяться шкурками, чтобы решить свой давний спор – кто чувствует глубже. В силу случайных обстоятельств выход на устроителей аттракциона хозяин салона имел. Поменялись, почувствовали, сравнили, потом на день разбежались – познать другие стороны своего двусмысленного состояния. А завтра утром надо совершить обратный переход в бывшее тело – так им назначено. Явиться нужно непременно: их предупредили – если в названный час оба участника переселения на встречу не пожалуют, контакт с ними хозяева карусели сансары решительно прервут. Из соображений безопасности. Справедливо – «всадник» мог на чём-то невзначай спалиться и навести на жрецов метемпсихоза ненужных/опасных людей. Тут шутки кончались – до конца дней участникам забавы светило куковать в заёмной анатомии. Поэтому пары на обмен телами подбирались тщательно, с непременным требованием полного доверия и душевного согласия.

Утро было не за горами, и во власти Ивана оказалось решать – успеет или не успеет Катя к назначенному времени на встречу. С такими козырями на руках (до гробовой доски оставаться в женском теле фрукт явно не хотел) Полуживцу не стоило труда выудить все интересующие его сведения. Ошеломила цена. Зато теперь он знал тропу, которую тропили к продавцам чудес другие.

Солнце палило, прохожие щеголяли с чёрными стёклами на глазах, раскинувшие ветви за оградой Мариинской больницы дубы роняли на тротуар спелые жёлуди. Поток машин на Литейном был стремителен и непривычно разрежен – воскресенье, август, дачи.

Полуживец шёл от одного фонарного столба к другому – опорами рекламных щитов не пренебрегал тоже – и разглядывал облепившие их объявления. «Работа в офисе», «сезонная распродажа», «убью насекомых», «участок в Лемболово дёшево»... В последнее время этот привычный ряд как-то в одночасье потеснили игривые разноцветные листочки с манящим

зовом на крылышках: «встречусь для несерьёзных отношений», «красивая и нежная желает познакомиться», «жена на час», «досуг с очаровательной блондинкой»... Сердечки, телефоны, подписи: Таня, Зара, Лола, Роза... Дворники срывали объявления, но они прилетали и обсаживали поверхности вновь, многочисленные и трепетные, как подёнки, тучей прущие на случку. Встретилось Ивану и такое: «Жду на Кино, Вино и Домино. Несравненная Жанна». Именно так, на германский лад – существительные с прописной. Неприхотливый изворот словно бы свидетельствовал о качестве услуги, слагаясь в откровенный акrostих, – КВД. Предупреждение? Насмешка?

Фрукт не обманул – на третьем от перекрёстка с улицей Жуковского фонарном столбе Полуживец нашёл то, что искал: «Самозабвение для тела и души. Ваш каприз исполнит Сара Ха», – гласил небольшой кремовый листок с бахромой лепестков внизу. Иван оторвал один – телефонный номер. Он долго не решался позвонить, волновался и, только добравшись до дома, опрокинув рюмку водки и закусив сайрой из жестянки (жил одиноко: родители несколько лет назад разбились в Иркутском аэропорту, долговременные связи с женщинами не складывались, вместо души родной – шиншилла, вольно шныряющая по квартире), отважился и взял в руки болталку. Чтобы попасть по адресу, предупредил сидевший в Кате тип, последние четыре цифры следовало набирать в обратном порядке. Полуживец исполнил твёрдым пальцем всё как надо.

– Вас слушают, – отозвался на гудки спокойный мужской голос.

– Я... ну, по поводу самозабвения, – чуть сбившись, сказал Иван – он почему-то рассчитывал, что говорить придётся с женщиной.

– Ваш звонок важен для нас. – Голос был ровным, без признаков одушевлённости. – Мы вам перезвоним.

И всё – отбой.

Однако же действительно через минуту с небольшим перезвонили. Номер на экране не определился. Голос снова был мужской, но на этот раз играл живыми нотками:

– Вы нам только что звонили. Будьте любезны, уточните ваши пожелания.

– Всадник... – Полуживец не знал, как точно выразить пожелания, поэтому отделался домашней заготовкой: – Хочу попробовать себя в седле. Что может предложить ваша конюшня?

В ответ болталка поинтересовалась: кто рекомендовал ему сюда обратиться. Иван сказал.

– Ждите, – распорядился голос. – Вам перезвонят.

На этот раз Полуживец прождал минут пять. Номер вновь не определился, но голос теперь был женский. Ему велели приехать к двум часам на «Спортивную», не на машине, на метро, и пообещали в два вновь позвонить. Времени было в обрез – на часах половина второго, а жил Иван в Казачьем переулке, – так что пришлось поторопиться.

Ровно в два раздался звонок, и голос, снова мужской, отправил Полуживца к Князь-Влади-мирскому собору. Когда Иван подошёл к ограде храма, болталка вновь ожила, и лоцман-женщина повела его к пустой скамье, вернее – к урне возле скамьи, где Полуживец обнаружил пакет, в котором лежал аппарат “Nokia” модели десятилетней давности. Свою болталку ему велено было оставить (возврат гарантировался) неподалёку, в соседнем доме, на площадке парадной (разумеется, проходной), так что все дальнейшие инструкции Иван получал уже по тяжёлому монохромному мастодонту, которому давно полагалось место в музее допотопной техники.

Его ещё долго таскали за ухо по городу (была даже примерочная кабинка в одном из закоулков «Галереи» на Лиговке, где его обследовали из-за шторки бдительные руки с детектор-ной рамкой), пока голос не привёл наконец Полуживца на Крестовский, в Приморский парк, к чёртову колесу. Там его встретил худощавый высокий мужчина лет пятидесяти с небритым (белёсая щетина) подвижным лицом, и они вдвоём сели в кабинку.

– Александр Куприянович, – протянул для рукопожатия ладонь мужчина. – Переговоры будете вести со мной.

Иван тоже представился – рука у Александра Куприяновича оказалась теплой и крепкой.

– Насколько вы знакомы с родом нашей деятельности?

– Поверхностно, – признался Полуживец. – Но хочу познакомиться ближе... Многое, так сказать, хотелось бы попробовать и испытать. – И добавил со вздохом: – Хотя и ограничен в средствах.

Прямота и простота его слов произвели на собеседника приятное как будто впечатление. По крайней мере, так показалось Ивану по небритому лицу переговорщика, на котором произошли определённые сокращения и перемещения подкожных мышц, суммой движений дававшие повод Полуживцу подумать так, как он подумал.

– У нас, мил человек, строгие правила, – предупредил Александр Куприянович. – От клиента мы требуем высшей меры ответственности. В противном случае последствия могут быть необратимыми.

– Об этом мне уже известно.

Переговорщик усмехнулся:

– Не думаю. Однако – давайте к делу.

Одного оборота чёртова колеса хватило им на то, чтобы прийти к предварительному соглашению. Оказалось, что на данный момент новому клиенту («клиенту первой степени доверия», как выразился Александр Куприянович) может быть оказана услуга по временному внедрению его сознания в тело другого здорового человека без гендерных ограничений, а также внедрению в тело домашнего питомца (млекопитающего), пребывающего в безукоризненной физической форме. Объект переселения личности клиент должен обеспечить сам («переплёт из кожи заказчика» – вспомнилась Ивану шутка покойного отца – мастера книжной реставрации) на условиях, как уже упоминалось, полного доверия и душевного согласия. Разумеется, это касалось только человеческого перевоплощения, поскольку услуга подразумевает обоюдный обмен. В случае с домашним питомцем согласие не требовалось, но тут тело клиента с вселившейся в него скотинкой погружалось в обязательный принудительный сон на то время, пока не настанет момент возвращения к status quo. Питомец же с «всадником» внутри живёт своей жизнью – обоняет, видит, скачет, метит кусты. «Всадник» под слово чести обязуется не разглашать сведений о «конюшне» и её персонале, но имеет право рекомендовать нового кандидата на приключение, если готов за него поручиться. Прейскурант удручал – и если в случае обмена телами с человеком ещё была возможность разделить траты с партнёром, то с домашнего питомца взятки гладки. И всё-таки Полуживец вписался. Ударили по рукам.

– А что вы предлагаете клиентам следующих степеней доверия? – Иван дал понять, что смотрит в будущее с оптимизмом.

– То же плюс кое-что ещё. – Тон Александра Куприяновича был таков, что не допускал проникновения в подробности. – Но обычно хватает перечисленного.

– Дает ли фирма какие-то гарантии?

– Отвечаем репутацией. А она у нас, мил человек, безукоризненна – спросите тех, кто вёл с нами дела. Однако если вас пугают риски... – На лице Александра Куприяновича произошло движение, свидетельствующее о том, что в любой миг разговор может быть закончен.

– Нет, что вы, – поспешил Полуживец заверить, – совершенно не пугают.

Хотя внутри, в глубоких недрах живота, под ложечкой, пугали. Так пугали, что даже издавали едва слышные пiski. Кого он мог спросить?

– Есть ещё вопросы? – подвёл черту переговорщик.

У Ивана вопрос был:

– Скажите, кто такая Сара Ха?

В индийских преданиях есть рассказы о махасиддхах – великих совершенных, которых наперечёт было восемьдесят четыре. Их равно почитают святыми чудотворцами как в индуистской традиции, так и в тантрическом буддизме. Говоря попросту, не слишком заглубляясь, это были своего рода индийские киники или юродивые Христа ради, намеренно эпатировавшие вызывающим складом самой своей жизни разом и монастырские нравы, и мирское благочестие. Плевав на кастовую мораль и ритуальную чистоту, они якшались с шудрами, ели мясо, пьянствовали, пользовались услугами проституток, однако при этом владели открытыми для них, опасными, но действенными практиками, благодаря которым достигали не только желанного освобождения сознания, но и преображения земного тела в божественное, способное уйти в Ясный Свет. Словом, пребывая в океане сансары, они вместе с тем принадлежали нирване. В числе махасиддх был и Сараха – метатель стрел, – владевший тайной достижения бессмертия. Вот, собственно, и всё.

– Словом, это, мил человек, мой оперативный псевдоним. Хотя, конечно, озорство.

Так ответил на вопрос Полуживца переговорщик Александр Куприянович. После чего сообщил, где Иван может забрать свою болталку, простился и исчез за кустами сирени, понемногу уже начинавшими жухнуть, что не удивительно – не за горами был сентябрь.

“Nokia” осталась у Ивана. Через два дня, во вторник вечером, ему вместе с напарником (его ещё надо было обрести) предстояло пройти медицинское обследование. Сроки назначили твёрдо.

Полуживец не мог дождаться. Если не обнаружат противопоказаний, то уже в пятницу он станет «всадником»! Он испытает это! Он войдёт в чужое тело, как рука в перчатку, как бес в свинью, и – тьфу-тьфу, не сглазить бы – наступит время скачек, время сказочного испытания!.. Что будет дальше, Полуживец не представлял, но охватившему его нетерпеливому возбуждению не было до этого дела – оно лихорадило и жгло его изнутри всё нестерпимее, словно гимназиста, перед которым впервые желанная девица предстала голой, и он, дрожа, знает, что не отступит, но вместе с тем что ждёт впереди – ему до ужаса неведомо. Нет, не предстала даже – довольно одного предвкушения, когда встреча всего лишь обещана... Ожидание порой упоительнее самого события, поскольку зачастую событие, чтобы не перегорели предохранители человеческого чувствилища, покрывает спасительный туман, как белый дым покрывает огонь, пожирающий сырой (зелёный) хворост. И как это неведомое, пугая, манит! Кто чувств таких не испытал, тот не жил. Ивана охватывали ликование и ужас, трепет и восторг. Перед полнотой и яркостью этих переживаний бледнели любые описания.

А к пятнице следовало раздобыть деньги. Это отрезвляло. Полуживец, впрочем, и насчёт денег, и насчёт напарника имел определённые соображения. Кое-какие накопления у него были – он собирался менять свой «гольф»-восьмилетку на что-то посвежее. Собственно, этих денег хватит и даже чуть останется – ровно чтоб заменить на «гольф» щетки дворников. Ну а напарник...

В понедельник Полуживец договорился с коллегой-бонвиваном, что одолжит у него на неделю риджбека (легенда следующая: одна обворожительная собачница выгуливает по утрам и вечерам мастиффа на площадке, нужен красавец-пёс, без него Полуживцу не стать неотразимым, а очень надо бы – такой бутон, такая клюква в сахаре...). Коллега в положение вошёл. Огненно-рыжий Гай с тёмным гребнем текущей вспять шерсти на спине и белым пятном на груди между передними лапами, вместе с его любимой миской, подстилкой, резиновой игрушкой в форме пупырчатого огурца, мешком корма и сводом подробных инструкций перешёл на время во владение Ивана. Ошалевшая шиншилла была заперта в клетку и водружена на могучий старинный буфет. Теперь он был готов.

На этот раз бдительность подпольщиков уложилась в рамки приличий. По дороге к месту встречи, назначенному во вторник звонком старенькой “Nokia”, перед Полуживцом, буквально

у самого дома, неожиданно остановился микроавтобус, распахнулась дверь, и знакомый ему уже Александр Куприянович предложил Ивану с Гаем зайти в салон. Там, пока автомобиль выворачивал с Гороховой на Фонтанку, крепкий молчаливый малый поводит вокруг клиентов первой степени доверия ручной рамкой, после чего Ивану предложили надеть на голову плотный холщёвый мешок. Был ли подвергнут подобной процедуре Гай, осталось для Полуживца загадкой. По крайней мере, воспитанный пёс не скулил.

Ехали минут сорок. Впрочем, в темноте время бежит иначе, чем на свету, – об этом думал Полуживец в пути. Когда, наконец, добрались, Ивана, по-прежнему с холстиной на голове, вывели из микроавтобуса и проводили в неведомое здание, где он в темноте, поддерживаемый под руки, немного поплутал по коридорам и лестницам (Гай цокал следом), после чего мешок был снят.

Обычный медицинский кабинет, блистающий стеклом и белизной поверхностей. Окна завешены плотными жалюзи. Мужчина-врач в стерильном халате, шапочке и с марлевой повязкой на лице. Пожилая женщина профессорского вида в халате, шапочке, очках, без маски. Строгая сестра, лишённая явных признаков пола, – напротив, даже с усиками. Полуживец заполнил подробную анкету на пяти листах (родня, места проживания и учёбы, детские болезни, работа, соседи, фобии, тревожные сны). Измерили давление, взяли из вены кровь, визуально и на ощупь осмотрели на кушетке тело, послушали посредством стетоскопа дыхание, внимательно исследовали радужную оболочку глаза, после чего в соседнем помещении навывлет просветили рентгеновским лучом. Тут же за белой ширмой работал с Гаем умелый ветеринар – судя по безропотному послушанию пса, он испытывал к айболиту большее доверие, чем к новообретённому хозяину.

Не прошло и часа, как медицина вынесла приговор: здоровы оба. Иван невольно выдохнул из груди томившую его тревогу.

– Извините за формальность. – В дверях кабинета Александр Куприянович надел на голову Полуживца мешок.

– Ничего. – Иван внутренне уже смирился. – Дышать можно.

– Я не об этом. Сам не терплю врачей. Но тут – тут без обмана. Иридодиагност – и вовсе бог. Светило.

– Не сомневаюсь, – отозвался из темноты мешка Полуживец. – Мне от врачей страдать ещё не доводилось.

– О-о, мил человек, это только кажется, – радостно ухватился переговорщик за откровение Ивана. – В действительности вы, как прочие, давно опутаны их липкой паутиной. Просто не видите этого, поскольку коварство докторишек ловко спрятано за маской милосердия. Медицина – власть. – Александра Куприяновича, видимо, тема бередила за живое. – Причём власть беспринципная, безжалостная. Врачевание превратилось в доходное дельце. Болезнь обернулась для дельцов источником благополучия, а здоровье – инструментом манипуляции и обмана. – Возникла пауза, потом кто-то чихнул – не то Александр Куприянович, не то крепкий молчаливый малый, после чего переговорщик сообщил: – Ещё Мольер, мил человек, испытывал недоверие к этой комической паре – больной – врачующий, всласть потешившись над обоими, так что и мы смеёмся вот уж триста лет. Не возражайте.

Полуживец не думал возражать.

– А ведь, пожалуй что, уже и не смешно. Да, шарлатаны водились в любые времена, но в таком масштабе, присасываясь к человеку разом со всех сторон, эта напасть ещё нам не являлась, – продолжал Александр Куприянович. – Они производят болезни, как фабрика – носки, и продают их нам за наши деньги, приложив в довесок курс лечения. Не многим удаётся устоять перед их суггестией. Но и на упрямца, нелепо считающего себя здоровым, они накинули своё ярмо. Ему милостиво объясняют, что надо делать, чтобы это хрупкое и временное достояние – здоровье – не потерять. Как его, утомлённое, восстанавливать. И как с помощью всевозможных

профилактик стремиться к этому недостижимому в принципе идеалу – здоровью. – Опять кто-то чихнул. – Просто жить и чувствовать себя здоровым медицина никому не позволит. Либо век живи – век лечись, либо век живи – век стремись. Иначе ты, мил человек, дикарь и варвар. А этот налог, который именуется страховкой?..

За разговором/монологом время пролетело незаметно.

На Фонтанке мешок с головы Ивана сняли. Оказавшись на Гороховой и ухватив покрепче поводок, Полуживец отправился не домой, а на Семёновский плац, чтобы дать Гаю волю порезвиться. Да и сам он хотел продышаться, смирить внутреннюю бурю, собраться с мыслями и чувствами.

Обретя на зелёном газоне свободу, Гай рыжей молнией промчался из конца в конец вечернего сада, прошивая пылающим ядром кусты и расталкивая грудью прыскавшую в стороны собачью мелочь, после чего принялся по-хозяйски обнюхивать и заново маркировать деревья: какая-то сволочь осмелилась присвоить себе это славное местечко – экая наглая, подлая, шустрая дрянь!

Полуживец, гордый за питомца, прохаживался по дорожкам сада, стараясь не упускать пса из вида. Он, точно художник, изучающий модель, жадно ловил повороты головы, движения лап, перекаты мышц под огненной шкурой, пружинистую лёгкость прыжка – почти полёт – всю совокупную звериную грацию этого дивного создания, такую естественную, мощную и свободную. По лицу Полуживца блуждала отстранённая улыбка – он любовался, он учился, он предвкушал.

Пятница. Рабочий день прошёл как будто в пелене. Иван путался с бумагами, хватался то за одно, то за другое, бросал, не в силах сосредоточиться и вникнуть. Белобрысый коллега-бонвиван, кружа, точно назойливая муха, подмигивал прозрачным глазом, сыпал хохотом: как, хи-хи-хи, продвигаются дела с обворожительной собачницей? не вставил ли, хи-хи, ещё риджбек её мастиффу? Полуживец отшучивался в тон, мол, мастифф – кобель, а с хозяйкой приступили к ритуалу – хвосты обнюхиваем, хо-хо-хо... Потом, после работы, задал шиншилле корма с горкой, и, когда желание того, что страшно, окончательно поглотило и заключило Полуживца в себя, как в кокон, снова, чёрт бы их побрал, явились ужимки конспирации – поездка в темноте холщёвого мешка. Затем короткий инструктаж, из которого Ивану запомнилось немного. Первое: заряд личности можно переносить из тела в тело только путём прямого обмена, поскольку консервации в чистом, выделенном виде он не поддаётся: то ли тает, то ли протухает, то ли, фьють, ускользает в вечность – словом, поминай как звали. Второе: дольше нескольких дней оставаться в чужом теле нельзя, потому что начинаешь забывать о прошлой жизни, как забывают о ней те, кто к нам с Луны свалился, – остаются только сны, неясная тоска и фантомные томления. И третье – наставление практического свойства: точка, место встречи, где Ивану в собачьей шкуре необходимо появиться в полдень воскресенья. Ждать будут двадцать минут, не больше, а потом...

– Были такие, кто не приходил? – с трудом проклюнувшись из кокона, спросил Полуживец.

Он был одновременно возбуждён и покорен охватившей его неизбежности – состояние, не раз случавшееся с ним перед неотвратимой дракой. Инструктировавший Ивана Александр Куприянович кивнул.

– Но почему?

– Причины разные. Несчастный случай. Возмущённая общественность. Полиция. Переоценка сил. Помните, как у Перро? Людоед обратился в мышку, а кот тут как тут. – Александр Куприянович изобразил руками хищный кошачий прыжок. – Но были и те, кто не вернулся по умыслу.

Полуживец ничего не спросил, но вид имел такой, что инструктор счёл нужным пояснить:

– Представьте, что сознание слепого вдруг оказалось в зрячем теле. Захотело бы оно возвратиться во тьму? То-то, мил человек, и оно. – Александр Куприянович многозначительно вознёс вверх указательный палец. – Слепой – это так, для очевидности... Простите за неловкий выкрутас. Я про сомнительность соседства: слепой – очевидность. А иному, быть может, из тела зверя, чувствующего мир тоньше, глубже, резче, не захочется уже вернуться восвояси.

– Но как же... – не сразу нашёл слова Иван. – Ведь вы сказали – через несколько дней перестаёшь понимать разницу, поскольку перестаёшь быть собой. Не только иначе чувствовать, но и мозгами стать другим... или даже совсем не человеком, – зачем это?

– Сказать по чести, – признался Александр Куприянович, – вопрос исследован не очень. Поэтому про скорое забвение себя... как такового, себя первоначального, я говорю, чтобы клиент не обольщался. Да и вообще... Если ты, мил человек, стремишься попасть в рай, то должен понимать, что для того сперва придётся умереть.

Полуживец подумал и спросил: куда же в таком случае деваются тела? С людьми – понятно, живут друг в друге дальше. А с теми, в которых зверь, и они в принудительном сне? Что с этими?

– В утиль, – отрезал Александр Куприянович.

Иван невольно приложил ладони к животу, к груди и их пощупал – ему было жалко сдавать в утиль такое ладное тело.

После инструктажа их с Гаем провели (Полуживец чувствовал, как нарастает и охватывает холодным огнём голову эта взрывная смесь – возбуждение и покорность неизбежному) в помещение, которое напоминало декорации для фильма об учёных изысканиях Франкенштейна, смонтированные посреди торгового зала магазина то ли медицинской техники, то ли бытовой электроники. Ивану дали выпить какой-то раствор, отдающий солодкой, после чего он поступил в распоряжение людей в белых халатах.

Дальше – кружение в голове, туман, падение куда-то вбок и вверх, тонкий изводящий звон в ушах и чернота с цветными блёстками, которые высверкивали, но света не давали.

А после – вспышка. И он в трубе, в каком-то шланге, как в тоннеле, внутри которого несётся навстречу приближающейся яркой точке, словно на трассе ночью – в лоб, на слепящие огни. Ещё мгновение и – всмятку, точно шмель на фаре. Вот, вот – сейчас... Но чудом он со встречной смертью разминулся – так поезда расходятся в норе метро по соседним рельсам, только будто ветром обдало, шатнуло, хотя *что* он был в тот миг и может ли *это* шатнуться, Полуживец не знал. А встречный промелькнул, и что-то ошеломлённое, испуганное, словно с хвостом поджатым пригрезилось Ивану в пролетевшем мимо сгустке света, как мигнувший контур в поездном окне. И – тьма.

Сознание вернулось разом, будто щёлкнул выключатель. А в следующий миг Иван уже всё вспомнил и понял, что его сознание вернулось не к нему.

Бог мой, как тут воняло! Какой чудовищный букет! Как душит эта медицина!..

Гай обонял – Полуживец соображал, раскладывал. Подумал быстро: вот он – антропоморфизм на деле.

– Гав-гав! – обрадовался вслух приятной ясности самоотчёта.

Сотни *душков* (границы благоуханий и зловоний сменили очертания, сместились, возникли неопределённости – чётко ощутимые, но без статуса) витали в воздухе – живых, пульсирующих, шлейфом стелящихся за хозяином, точно языки невидимого пламени, и холодных, медленно текущих, мёртвых.

Полуживец поднялся, встал на четвереньки... нет, на лапы. Теперь пространство выглядело иначе, чем тогда, когда он был похож на человека, – новый ракурс и... что-то поменялось в цвете, словно хрусталик не протёрли, и он сделался немного сероват. Тело слушалось на удивление легко, радуясь каждому движению, – ни заторможенности, ни сопротивления, –

моторика работала отменно, словно бы сама собой, не требуя от нового владельца внимания и сосредоточения. Отлично! Получится ли «всаднику» сдерживать собачью прыть, когда возникнет перед носом кошка?

– Ну как?

Взгляд Ивана упёрся в ногу Александра Куприяновича. Вдоль брючины тянулась крепкая рука, сжимавшая собачий поводок. Рука взлетела вверх, и Полуживец почувствовал, как на его шее дёрнулся ошейник. Гулять! – сообразил Иван.

Поодаль над приборной панелью какого-то агрегата склонялся молодой человек лет двадцати трёх в очках на тонких дужках и в белом халате. Хрупкие запястья, слабые кисти, худые пальцы, пушок на губе, россыпь прыщей у висков... Одно слово – *ассистент*. От него исходил насыщенный, телесный, терпкий запах. Довольно вульгарный, резкий – не грех и цапнуть. Так пахнут юные, сообразил Полуживец. Зрелый Александр Куприянович пах как-то чище и опрятнее. Не грех лизнуть. Иван почувствовал, что плеть хвоста пошла чесать в счастливой пляске.

– Порядок, – удовлетворился Александр Куприянович. – Ну что, мил человек? Айда в машину. Бери, Макар. – Он протянул поводок подскочившему ассистенту.

Полуживцу жест не понравился – к очкастому он не испытывал доверия. Однако чувств новых было выдано ему с такою горкой и были они так густы, что мелочь эта тут же соскользнула с оптики его внимания.

– Гав! – Он вывалил из пасти горячий пульсирующий язык и двинулся за Макаром.

Во дворе шквал запахов и звуков ошеломил Ивана, прошил дрожью шкуру, на миг оглушил и ослепил, но при этом его собачье сердце вовсе не смутилось, напротив – забилося радостно и бодро. Ряд гаражей, берёза, какие-то кусты, молодая ель... Полуживец упрямо вывернул шею и упёрся всеми четырьмя лапами в асфальт, не желая сразу прыгать в машину, а стараясь растянуть насколько можно эту чудесную минуту, когда всё существо его счастливо полоскалось в эманациях живого мира, как выстиранное бельё на свежем ветерке.

По человеческим меркам, впрочем, двор был тих, наполнен призрачным вечерним светом и овевал едва различимым запахом первой прели.

В микроавтобусе ассистент с неуместной вежливостью сказал:

– Ложитесь на пол, не то придётся надевать мешок.

Иван зыркнул исподлобья и зарычал, чем, кажется, изрядно смутил Макара. Потом неторопливо, чтобы сопляк, чего доброго, не решил, будто благородный пёс спешит подобострастно исполнить его волю, потоптался между сидений, развернулся в одну сторону, потом в другую, наконец устроился, улегся на ворсяной пол и примостил морду на вытянутые лапы. Инструкция предписывала ему беспрекословное подчинение персоналу «конюшни», но кто же знал, что командовать начнёт безусый ассистент, а не степенный, взвешенный, к доверию располагающий инструктор Сара Ха?

Как и договаривались, его вывезли в Тарховку. Полуживец с юности знал эти места, а кроме того, тут была дача коллеги-бонвивана, на которой ему довелось пару раз побывать, – приметного Гая здесь знали, а стало быть, невзначай повстречавшись, здоровенный пёс не вызовет у местных жителей чрезмерных опасений.

На подъезде к посёлку машина съехала на обочину, Ивана вывели наружу и отстегнули поводок.

И тут же, не оглядываясь, молча, он сорвался с места и полетел. Блаженство!.. Сущее блаженство чувствовать себя в уверенном, неукротимом, крепком теле, несущемся навстречу ветру, полному говорящих запахов, звенящих звуков, мерцающего света и пьянящих ожиданий. Прыжком одолев придорожную канаву, Полуживец взмыл на железнодорожную насыпь, перемахнул смердящее креозотом, угольной гарью, старым железом и машинным маслом

полотно, пронёсся вниз по другому склону и влетел в чахлый сырой лесок – всё сплошь ольха, осина, ива. Великолепно! Какая лёгкость, быстрота реакции, увёртливость! Какое наслаждение владеть такой без-укоризненной машиной! Хотя, конечно, можно озвереть, когда перед глазами беспрестанно скачет, точно огонь из-под капота, собственный язык.

За забором на крыльце дома сидела девочка и сдирала шкурку с оранжевого мячика. Апельсин. Какой невыносимый, ядовитый запах! Не передать. По улице скакала сорока. Прыгнул – сорока, в панике забив махалками, слетела. У следующего забора задрал лапу и пометил место. По штaketине ползла оса, понюхал чёрным носом и сам собою вдруг то ли фыркнул, то ли чихнул. Ненужный, но опасный зверь. На углу улицы из-за сплошной ограды вывернула молодая кошка. Чёрно-белая, в носочках – щеголеватая мерзавка! Рванул, громыхнул лаем, но тут же осадил себя и внутренне расхохотался. «Ишь, сиганула, чёртова котяра! Я для тебя – бесболотный, рыжий ужас. Да ты пылесос не видела в деле!» Осадить осадил, но лапы дёргались, усы топорщились, клыки невольно клацали, как будто уже драли шкуру, ломали тоненький хребет. Потом была наглая ворона, опасно косящиеся люди, дружелюбный мелкий кобелёк, плавунец в луже...

Смеркалось.

К этому дому ноги вывели сами. И надо же, из калитки – тут как тут – вышел хозяин. Какой родной, желанный запах! Хвост заиграл выюном.

– Гай?! – удивился бонвиван. – Вот те раз. Откуда ты, бродяга?

Что ж теперь поделать. Раньше надо было думать. Полуживец уткнулся носом в хозяйскую ладонь.

– Заяц! – крикнул тот в сторону дома. – Ты посмотри – Гай от Ваньки сбежал.

В дверях появилась хозяйка.

– Чтоб ещё раз кому-то собаку отдать, – сказала, – через мой труп.

– Как он из города добрался? – почесал затылок бонвиван.

– Иди куда шёл, изверг, – велела хозяйка. – Хлеб, масло, яйца – запомнил? Давай, Гаюшка, в дом. – Махнула рукой. – Небось, проголодался, бедный.

Действительно, проголодался. Как это кстати...

Руки хозяйки трепали холку и чесали шерсть под подбородком ласково и смело. Того и гляди сосиска покажет из теста кончик. Однако же не до того – миска с сухим кормом пахла соблазнительно, неудержимо, райски.

– Странно, – сказал вернувшийся из магазина бонвиван. – У Ваньки телефон отключен.

Ночью Полуживец лежал на коврике, а в спальне за приоткрытой дверью творилось чёрт-те что. Хозяин рычал то в ритм, то из-за такта, лоно хозяйки сыро чавкало, а сама она на высокой ноте, не слыша себя от самозабвения и потому фальшивя, выводила глянцевым «ааааа-а-а-а-а...» рулады. Кажется, что-то из «Волшебной флейты». Ну да: Царица ночи – «В груди моей пылает жажда мести». Полуживец прослушал арию два раза, прежде чем заснул.

Во сне он нёсся по просвеченному солнцем перелеску, и перед его глазами, как огонь из-под капота, скакал собственный язык.

Утром он плотно позавтракал, поймал, клацнув зубами, муху, обошёл двор, проверяя метки, после чего, улучив момент, сбежал на волю.

Весь день носился по лесу. Видел гадюку, семью ежей, бобра, напугал грибников, загнал в нору лису. Голодный и счастливый уснул в песчаной яме под выворотнем.

В воскресенье вышел на шоссе. Минут десять прождал в кустах возле километрового столба на подъезде к Тарховке. Потом появился знакомый микроавтобус, и Полуживец запрыгнул в распахнувшуюся перед ним дверь.

Утром в понедельник, перед работой, овеваемый приятным ветерком из-за приспущенного стекла, Иван заехал на квартиру к белокрысому коллеге. Он чувствовал себя свежо и

бодро, как после проруби, хотя собственное тело казалось ему теперь неуклюжим, медленным, словно подмороженным, – хотелось подскочить, сорваться с места, пробежаться, а тело не поспевало за желанием, будто его, как тронувшийся автомобиль, забыли снять с ручного тормоза. И запахи... Воздух как бы выпвел и поблёл, его нельзя было разобрать, разложить на части по чутью – а ещё вчера он был как душистый цветочный чай, весь сотканный из прядей живых ароматов.

– Ну, и что это было? – спросил, потягиваясь, заспанный приятель. Помятая щека его хранила след подушки.

Иван не удержался:

– Ну и рожа.

В ответ – длинный зевок и:

– Нет, это у меня лицо такое.

Ещё вчера Полуживец звонил ему и подробно наврал, как на выходные поехал с хозяйкой мастиффа к ней на дачу в Сестрорецк и настолько увлекся стремительным развитием сюжета, что хватился Гая только в субботу утром. Перенервничал, все закоулки прошерстил – от улицы Мосина (того, что изобрёл одноимённую винтовку) до станции «Разлив» промчался, вернулся – а он, пёс то есть, тут как тут, во дворе с мастиффом играет в догонялки. Выходит, Гай, рыжая бестия, из Сестрорецка сбегал в Тарховку, а потом вернулся назад, к новому другу и старой игрушке-огурцу. Словом, не повод переживать, а повод подивиться чудесам – собачьим сообразительности и внутреннему компасу. Такие – не у всякого псаря.

– Вот жена вернётся с дачи, она подивится, – вяло пригрозил коллега-бонвиван. – Так подивится, что фашисты ужаснутся. Повезло тебе, что я не твёрдый.

Гай казался немного сонным. Не юлил, не тыкался в хозяина носом – смирно улёгся на расстеленный коврик и наморщил рыжий лоб. Гребни встречных зачёсов на его короткой шерсти выглядели, словно швы на мягкой игрушке, состряпанной из лоскутов. Быть может, его смущали смутные воспоминания?

– Стало быть, вштырил. – Бонвиван почесал слежавшийся за ночь затылок. – И как мамзель?

– О-о, восторг! – словно бы в надежде увидеть собственный мозг и запечатлённую в нём картину, закатил глаза Полуживец. – Арию Царицы ночи пела. Представляешь? Это вместо «гут-гут, шнеле-шнеле!». За аренду пса с меня поляна.

Коллега вздрогнул, взгляд его понемногу стал наливался тёмной кровью, белёсые веки быстро захлопали. Лучших аплодисментов Полуживец и не желал.

В течение двух с половиной месяцев, с сентября по ноябрь, Полуживец продал сначала машину, потом унаследованное от далёких предков столовое серебро, которое со времени гибели родителей не извлекалось из буфета, следом сам помпезной архитектуры ореховый буфет-долгожитель – лет двести от роду, – и под конец кое-что по мелочи – хрусталь, фарфор, книги. Деньги спустил тут же – испытал тело кота (соседского Рамзана выпускали погулять во двор; Иван похитил его у дверей парадной, когда тот тёрся о ноги и просился в дом), побывал в шкуре шиншиллы (в столь ценимом некогда скорняками меху оказалось довольно жарко) и в довершение вкусил прелести беличьей жизни – этого зверя ему предоставила «конюшня», поскольку из разряда клиентов первой степени доверия его возвели куда-то выше.

Быть шиншилой оказалось не очень весело, хотя по-своему забавно. Рамзана, как выяснилось, хозяева кастрировали, о чём Полуживца почему-то на медицинском осмотре ветеринар не сообщил. Это обстоятельство, должно быть, изрядно снизило градус впечатлений, поскольку встреченный кот прозрел инвалида насквозь и без предупреждения полоснул его когтем по морде. Впрочем, и в таком, *леченом*, состоянии кошачья жизнь открылась Ивану во всей своей красе – она оказалась до краёв насыщенной движением, азартом охоты и счастливой негой. С

белкой же – сущий восторг. Именно в этом прыгучем и летучем состоянии Полуживец впервые по-настоящему оценил глубину замечания Александра Куприяновича – мол, иному «всаднику» из тела зверя, чувствующего мир тоньше, глубже, резче, быть может, не захочется уже возвращаться назад. Оценить оценил, но вернулся. Без смущения и колебаний – искус был насколько обольстителен, настолько и страшен.

Не то чтобы Иван всерьёз подумал, что мог бы до последних дней остаться в белке, как в живой тюрьме, навсегда запереть себя в существе, пленившем качеством замысла, сборки, отделки, настройки, – нет, не подумал, нет. Но... всё-таки подумал: запереть? Как будто, оставаясь человеком, он в человеке не заперт. В этом костяке, хрящах, в этой голой шкуре... Тоже ведь застенок. И если бы не случай оказаться «всадником», он бы из своего узилища даже в тюремный двор не вышел. По существу, всё, что с ним в последнее время творится, – только смена камеры. Различия сводятся к виду из окна. И, разумеется, к сроку заключения, если решишь обосноваться в новой камере навек. Словом, Иван подумал как-то так.

На время холодов Полуживец решил взять передышку. В конце концов, он здорово поиздержался, и, чтобы продолжать свои забавы – а он хотел их продолжать, – надо было привести в порядок финансы. Но как? То, что он уже не сорвётся с этого крючка, не слезет с аттракциона, пока будет возможность, преобразаясь, в нём крутиться, Иван не сомневался. Разве что насильно отлучат. Но об этом он думать не хотел. Он думал о деньгах. Не потому, что хотел о них думать, а потому, что возникла такая необходимость. Мысли роились, складывались в различные конфигурации. Порой преступные и даже чудовищные. Иван строил умозрительные планы, как можно было бы, обернувшись, скажем, начальником таможни или соседом сверху, хозяином *леченого* Рамзана, быстро оформить кредит, получить наличные, потом обратиться собой и – пусть коллекторы расхлёбывают. Но что же делать с полным доверием и душевным согласием? Нет, не пройдёт. А ведь как заманчиво под чужой личиной, зная всю таможенную подноготную, продумав все детали и ходы, провернуть аферу, состряпать хитрую сделку – так, чтобы все концы на другом сошлись. На том, чьё тело ты использовал, как спецовку. И куш вложить не в ценные бумаги, не в банк, чтоб прирастал процентом, не в дом, не в жизнь праздную под пальмой, а в скачки эти, в новые тела, чтобы прочувствовать пространство новым чувством, пройти нехоженой тропой, то совершить, что никогда бы сам собой не совершил... Вот, скажем, тот фрукт – спасибо ангелам за встречу с ним/ней, – что был в обличье Кати Барбухатти, – ведь он/она оформлял растаможку машин, купленных под заказ на заморском аукционе. Деньги, само собой, дали заказчики, а она (регистрировались “FJ Cruiser”-ы всё же на Катю, и в ПТС была вписана она) на пару дней становилась владелицей машин – пока их в салоне не отполируют и не прохимчистят (во всякой машине с пробегом найдётся леденец, облепленный собачьей шерстью), чтобы со спокойной совестью взять с заказчиков маржу при окончательном расчёте. Так вот, он же мог эти машины увести на сторону. Тот фрукт, что в Катю обрядился. Очень даже мог. Срочно продать кому-нибудь за полцены и – шито-крыто. Крайней останется Барбухатти. Другое дело, что тот, кто разместился в Кате, сам и был хозяином салона, для которого она (или в данном случае он?) оформляла машины. Получается, что он, фрукт этот, обул бы сам себя. Но это так, прикидка, чисто для примера. Суть в том, что возможности невероятны...

Второго декабря, когда, отстав от календаря на сутки, выпал первый снег, неожиданно ожила старая “Nokia”, и Полуживец услышал голос Александра Куприяновича.

– Я изучил вашу анкету. У меня, мил человек, есть к вам предложение.

Так, по первому снегу, перед Полуживцом открылись двери новой жизни – жизни с чистого листа.

Встретились вечером в маленьком кафе на Кузнечном рынке. Когда Иван зашёл внутрь (зал в два яруса – столики на первом уровне и на возвышении, за балюстрадой), Александр Куприянович, по обыкновению небритый, уже был на месте. Перед ним на гобеленовой ска-

терти стоял графин водки, селёдка с луком и отварной картошкой, две рюмки и два стакана морса.

– Вы, если доверяться медицине, человек здоровый, – переговорщик кивнул на графин, – поэтому я, так сказать, позволил... Но горячее без вас не заказывал. После работы вы, должно быть, голодны, а здесь отличный повар. Таджик. Кудесник настоящий, а не то что – плов да манты.

Свободных мест в кафе почти не оставалось – заведение, несмотря на свою кажущуюся прозаичность, было популярным. Полуживец полистал меню и выбрал жаркое в горшочке. Александр Куприянович – котлеты по-киевски. Сделав заказ, переговорщик погладил светлую щетину и наполнил рюмки.

– Я и сам был медиком. Знаю людей изнутри. Но я, мил человек, ушёл из профессии, потому что, узнав человека изнутри, медицина стала играть на людских слабостях.

«Опять двадцать пять, – подумал Иван, – далась ему медицина». Александр Куприянович между тем гнул своё:

– Она производит и лицензирует недуги. Хворь, полученная вами в обход медицинской лицензии, не берётся в расчёт. Монополия! Приобрести болезнь вы сможете лишь после того, как сделку зарегистрирует врач. Иначе вы, мил человек, не получите оплату по временной нетрудоспособности. Будет считаться, что вы болеете, так сказать, контрафактно.

Водка была холодной, селёдка – нежной, забытого уже почти что вкуса. Повар, как видно, не только не признавал готовое филе-пресерву, не только честно сам выбирал селёдку-мальчика из бочки и её разделявал, но ещё и знал, где эта заветная бочка стоит.

– Зачем всё это нужно медицине? – расплылся в улыбке переговорщик.

Полуживец рассудил, что вопрос риторический, и оказался прав.

– Чтобы продать вам свой следующий товар – лечение. – Александр Куприянович вознёс к потолку указующий перст. – Мир, мил человек, помешан на здоровье, а вернее – на болезни и её лечении. И медицина этим бессовестно воспользовалась.

Он снова наполнил рюмки.

– Хотите чисто петербургскую загадку? Вместо тоста? – Александр Куприянович хитро прищурился и, не дожидаясь согласия, тут же загадал: – Что между Первой и Второй?

– Перерывчик небольшой? – машинально предположил Иван.

– Ничего подобного – улица Репина!

Полуживец невольно рассмеялся – ловко.

Выпили. Попробовали морс. Хорош – определённо собственного производства.

– Эффективнее всего та власть, которая лучше скрыта, – доверительно сообщил переговорщик. – Это, мил человек, не я – это Мишель Фуко сказал. И он прав. И это определённо про медицину. Кто ещё, кроме врача, способен выдать предписание, которому подчинятся и суды, и социальные службы, и школьное начальство? А власть развращает. И развратила. Теперь докторишка оказывает вам помощь в зависимости от качества вашей страховки и при этом рассуждает о самоотверженной гуманистической миссии. Цинизм. Как и цены на их услуги. Вы ещё молоды, но когда вы узнаете, что один зубной имплант стоит как четыре смартфона, вы меня поймёте.

– Ваши услуги тоже недёшевы, – заметил Полуживец.

– Мы, мил человек, предлагаем наши услуги в той форме, в какой они никоим образом не могут быть расценены как залог вашего здоровья и насущная необходимость. Чего не скажешь о медицине. И это вторая причина, по которой я ушёл из профессии: меня не интересует кислотно-щелочной баланс в вашем желудке, меня интересует Чаша Грааля.

– И что – нашли? – Полуживец мямл бумажную салфетку – он волновался, сам не понимая ещё причины своего волнения.

– Нашёл. Я и мои единомышленники. Не думайте, что в нашем деле я – статист. Просто многое приходится делать самому, включая переговоры с клиентами. Не будем, впрочем, отвлекаться. – Александр Куприянович отправил в рот ломтик селёдки и утёр салфеткой губы. – Итак, мы нашли. Но медицине не нужна Чаша Грааля. Хотя наше открытие способно не только подорвать её могущество, но и сделать её власть абсолютной. И абсолютно её развратить. Пока медицина – начальник вторых, а с Чашей станет начальником первых. Впрочем, это только метафора. То есть Чаша – метафора. – Не сводя взгляда с собеседника, Александр Куприянович поиграл подвижным лицом. – А вы что же, мил человек, не понимаете, с чем столкнулись?

– Почему не понимаю, – смутился Полуживец. – Понимаю.

И тут же осознал, что солгал – не понимает. Он думал о течении времени в темноте, думал о теле – тюрьме, думал, где взять деньги, но не думал о том, каковы реальные возможности того, во что он лишь играл.

– Полагаю, вы уже насочиняли сто способов, как можно присвоить чужие деньги, появившись у вас возможность на время обрести другое тело бесконтрольно. – Александр Куприянович откинулся на спинку стула, развёл, разминая, плечи, вытянул руки и повращал кистями. – Не отпирайтесь. Я же говорил, что знаю человека изнутри. А если отбросить дурные наклонности и замахнуться шире? Какие перспективы в деле шпионажа? Сыска? Каковы возможности исследований в условиях иной среды – скажем, под водой? А то, что мы практически решили проблему физического бессмертия, вам тоже не приходило в голову?

Тут подали горячее. Это событие отвлекло переговорщика и позволило Полуживцу уйти от немедленного ответа.

– А теперь вернёмся к вопросу цены услуг. Я вижу, вы не из тех людей, кто, сделав дело, ждёт, когда его спросят, сколько лимонов положить ему в чай. Вы – не стяжатель. Я читал вашу анкету. Вы совершенно здоровы, молоды, одиноки... И вас, так сказать, увлекает процесс. – Александр Куприянович изобразил на небритом лице двусмысленную гримасу, будто говорил о чём-то фривольном. – Я хочу сделать вам предложение. Вы, мил человек, получите возможность переходить в другие тела совершенно бесплатно. Более того, это будет ваша работа, за которую вам начнут платить деньги. Очень достойные деньги. Вы станете испытателем. Одним из многих наших испытателей. Знаете, как в авиации. Только машины, которые вам придётся испытывать, уже давно сконструированы и опробованы матушкой природой. Не под человеческие, правда, нужды. В этом и вопрос. – Александр Куприянович поймал цепким взглядом взгляд Полуживца. – Условие таково – метемпсихоз будет происходить по *нашему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.